

Г. Е. Благосветлова или идейным ренегатом, подобным А. С. Суворину, столь близко к сердцу принявшему «цинизм» юного Некрасова? Увы, к глубокому сожалению господ, так полагающих, на этот вопрос невозможно дать утвердительного ответа.

Тем-то, собственно, и поражал своих современников (как ближних,³⁶ так и дальних³⁷) Некрасов, что он ни в своем журналистском облике, ни в качестве завсегдатая аристократического Английского клуба, ни в амплуа «охотника-спортсмена» или владельца бывшей губернаторской усадьбы не укладывался в прокрустово ложе привычных социальных и культурных ролей.³⁸ И «виной» всему была его жизненная позиция человека особого личностного склада.

Так, к социальному статусу дворянина Некрасов в пору своей позднейшей жизни и деятельности относился как к принятому по «правилам» современного ему общества «инструменту», позволявшему решать те или иные практические задачи: адресоваться в официальные инстанции, юридически оформлять и охранять права собственности, обеспечивать возможность разнообразных контактов в среде общественной элиты. Но даже субъективно-психологически ощущая себя потомком исторически несправедливою «игрою счастья обиженного рода»,³⁹ он никогда по отношению к кому бы то ни было из своего литературного или частного окружения, включая подруг, слуг, крестьян-охотников, вообще людей из народной среды, не позволял себе даже намеком подчеркнуть свое «дворянское превосходство». Он склонен был скорее к ироническому восприятию себя как «барина».

Свою позднейшую материальную обеспеченность Некрасов понимал как личную социальную ответственность перед журнальными авторами, бедствующими литераторами или знакомцами из мужицкой среды. Сталкиваясь в жизни с самым широким кругом людей — от членов императорского семейства до крестьянской детворы, — Некрасов умел встать с ними в отношения не только официальной субординации или деловой необходимости в одном случае или «отеческой заботы» в других обстоятельствах, но и личной (поверх любых социальных различий) короткости, дружеской доверительности, психологического равенства, взаимоуважения. И на охоте, в карточной игре, редакционных встречах он никогда не хлопотал о дистанции в общении, наоборот, придавал последнему характер естественного дружелюбия, взаимного уважения и порядочности в обязательствах. Это не было ни благородной позой, ни умственным следствием его убеждений, а лишь органическим проявлением его натуры. Таким Некрасов был в семейственном кругу, таким же он являл себя в дружбе и даже в «приятельской» окрашенности официальных контактов.⁴⁰

³⁶ См. об этом в воспоминаниях А. А. Буткевич, И. А. Панаева, П. М. Ковалевского, Г. З. Елисеева, М. А. Антоновича, А. М. Скабичевского и др.

³⁷ Ф. М. Достоевский об искусстве. С. 345. См. также воспоминания П. Д. Боборыкина, Вас. Ив. Немировича-Данченко, Е. М. Феокистова и др.

³⁸ Впрочем, подобные утверждения уместны в отношении «идеологических» и «художнических» ролей Некрасова. См. посвященную данной проблематике новейшую монографию швейцарской исследовательницы Аннет Люизье: *Luisier A. Nikolaj Nekrasov: Ein Schriftsteller zwischen Kunst, Kommerz und Revolution*. Zürich, 2005. 302 s.

³⁹ См. об этом подробнее: *Пайков Н.* Корни и ветви // Некрасов Н. «Да, только здесь могу я быть поэтом...». Ярославль, 1996. С. 571—574.

⁴⁰ Ср.: Там же. С. 576—577. См. также деловую переписку Некрасова, в частности очень показательные истории его личных отношений с Ф. А. Кони, А. А. Краевским, В. Г. Белинским, В. П. Боткиным, А. В. Дружининым, И. С. Тургеневым, Л. Н. Толстым, А. Н. Островским, Ф. М. Достоевским, В. М. Лазаревским, В. П. Гаевским и др.: *Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т.* М., 1987.